

Сауле

Беккулова

кандидат искусствоведения

«Я ПО СКАЗКЕ СКУЧАЮ...»

Имя человека, о котором я хочу рассказать, в среде творческой интеллигенции Алматы по сей день воспринимается, как легенда. «Не страшно быть смешным, хуже быть глупым», – любил приговаривать он, колдуя над своим очередным «шедевром». То низко склоняясь над рисунком, то отстраняя корпус и придирчиво вглядываясь в него, он передвигался вдоль низкой тахты, сплошь покрытой акварельными композициями, как бы «вприсядку», на корточках. Эта возможность лицезрения творческого действия была, как поняла я много позднее, актом высшего доверия, то есть мне предоставлялось право зрительского участия и суда перед сдачей книги в набор. Впереди – ночь работы, завтра – сдача, а вечером сегодняшним передо мной творится чудо последних мазков и нюансов. Художник методично извлекает то один, то другой лист своей «экспозиции», тихо насвистывая что-то и легко касаясь кистью поверхности бумаги, а в итоге выстраивается чудесное, детски-чистое и звонкое зрелище с яркой палитрой красок-звучков. Дети – самые строгие ценители книги, как и кино, что, видимо, весьма хорошо знал создатель их живописного пространства.

Владимир Безелюк – художник детской книги и кино, выдумщик, фантазер, человек с поразительным даром воображения, чей «почерк» неподражаемо индивидуален и узнаваем с первого взгляда. Те, кто держал в руках оформленные им книги: «Сказки» братьев Гримм или «Мышкины именины» Д. Ремпеля, «Фраки – императорский пингвин» Н. Пфелфера или «Семь подруг радуги» И. Родиной, уже не смогут забыть очарование образов, обретших жизнь в партнерстве – полном-правном! – писателя и художника. Книг этих множество, и каждая создает свой незабываемый мир. Доброта и юмор, присущие художнику, лучатся в его героях, заставляя маленьких ценителей часами листать одну и ту же книгу. Может быть, потому, что все созданные его кистью герои так обаятельно-наивны, бесстрашны, так полны верой в чудеса и справедливость этого мира!

* * *

Что привлекает нас в людях? Думаю, не в последнюю очередь – чувство юмора. А смеяться Володя умел, как никто. Тихо, беззвучно, порой вытирая ладонью глаза, тут же своими комментариями провоцируя публику на гомерические взрывы хохота, до изнеможения, до слез. Это умение вызывать бурные

приливы смеха известно лишь людям, наделенным острым умом и склонностью к анализу. Отнюдь не означая всегдашней веселости и беспечности. Показывать свое дурное расположение духа Володя не любил. Тогда он скрывался, не отвечая на дверные и телефонные звонки и находя утешение в музыке и книгах. Однако не будучи по природе своей затворником, вскоре вновь «открывал двери», и дом его наполнялся смехом, гулом споров и бесед, праздничных застолий, музыкой, а порой – шепотом откровений. Здесь, в этом удивительном доме, я встретила со многими творцами из числа музыкантов, художников, актеров, балерин, литераторов. Здесь я услышала впервые редкие классические шедевры музыки – от Баха и Моцарта до Шенберга и Пендерещкого. Здесь поразили мое воображение книги из крошечной библиотеки с уникальными авторами. Из этого шкафа впервые легла мне в ладони монография Н. Тарабукина о М. Врубеле, книга сценариев Бергмана и многое другое. Мягко, ненавязчиво хозяин этих сокровищ умел выведать, что мне «пришлось», что – не очень, и незаметно направить разговор о них в нужное русло.

* * *

Не подозревая о том бремени, что взвалил на себя мой добрый старший друг, я, видимо, достаточно успешно усваивала прививаемые мне со всем тщанием навыки культуры общечеловеческой. После прочтения отдельных изданий я подвергалась «допросу», целью которого было желание заставить меня заговорить, явив аналитическое откровение или эмоциональный отзыв. Долго пытал, что занимает меня в «Дневнике» Поля Валери, чем привлекают книги Андре Моруа, как поняла «Записки из подполья» Достоевского. Он знал о моем желании обрести профессию искусствоведа и бережно посвящал в тайны изобразительного искусства, всегда внося юмор в наставительный тон своих поучений. «Луначарского нужно не читать, а знать. С ним ты лучше научишься искусству критики, чем с любым из других классиков». «Читая, запоминай то, что тебе близко и понятно. Что непонятно, лучше спросить и узнать, чем из ложного самолюбия притворяться знающим. Это – невежество непростительное и заблуждение многих. И не юных людей – тоже». «Самая непростительная глупость – считать себя умнее других». «Человеку простительны слабости. Но определяют его не слова, а поступки».

Однажды, заметив осунувшийся, огорченный вид Володи, услышала: «Представляешь, просмотрел свои книжные полки и обнаружил пропажу. Нет “Театра Кабуки”, нет Фриша, нет Бергмана». В ответ на мое оправдание за задержку книги сценариев Бергмана, всплеснув руками, уставился в негодование: «Да ты что говоришь? Зачем? Я уже оплакал его, простился с ним, а тебе он принесет пользу, еще какую... Эх, ты... Вот это называется – плоды воспитания». Возвращая книгу, заметила, как подрагивали кончики его губ, но не поняла, что это значит. Цена почитания – полная неуверенность в себе. А урок был преподан на всю жизнь. Как многие другие.

* * *

Дети Володю обожали. Впрочем, и теперь это продолжается применительно к его книжкам и фильмам. А тогда...

Он дал мне прослушать запись своей беседы с трехлетней дочкой. Вообразить себе, что говорят меж собой люди, разделенные разницей в двадцать лет, отец

и дочь, было невозможно – степень доверия ребенка к старшему. Когда ей уже минуло тринадцать, он все так же болезненно остро переживал за воспитание, за будущее, сетуя на отдельные недостатки и гордясь ею. При этом не забывая внушать мне: «Отцы, как и дети, больше всего нуждаются во внимании и любви дочерей. Помни об этом всегда в отношениях с собственным отцом. Пригодится».

Странно было это слышать и не всегда понятно, но пружина медленно и верно разворачивается во времени, и все становится явным и предельно точным, если исходит из сердца человека. К счастью, школа Володиных уроков оказалась драгоценным и долгим даром. И по сей день всплывают в сознании его напутствия и шутки.

* * *

Как-то, радушно препроводив меня в свой кабинет, Володя удалился. «На минутку». Я погрузилась в чтение, телевизор что-то едва слышно издавал, за стеной громко выясняли ситуацию соседи. Вдруг прямо над головой раздался шепот: «Кофе или чаю?» От неожиданности вздрогнув, обернулась и... задохнулась. Поверх костюма Володя был облачен в длинный махровый халат, голову его венчало некое подобие чалмы, с руки свисало полотенце. Сам он, угодливо и как-то боком кланяясь и пятясь к двери, на все лады повторял: «Чаю? или кофе? или чаю?..» Наконец, не выдержав моего оторопелого вида, прыснул в кулак и ретировался. И лишь тогда я смогла «разрядиться». Тушь для ресниц полностью переместилась в глаза. Умывшись, едва переводя дыхание, прошла на кухню, а хозяин уже без улыбки поинтересовался: «С сахаром? Он нынче дефицит. Или с вареньем? Из Уральска, мама прислала». И со вздохом полез в холодильник, не дожидаясь

ответа, и наполовину скрылся в нем. Затем оттуда донеслось: «Малиновое или клубничное? Или из смородины?» Извлеки несколько банок, наставительно произнес: «Укрепляет здоровье. Когда оно есть. Если есть, то понемногу. Помногу не получается, от охотников нет отбоя». Помолчав, добавил значительно: «Впрочем, отбой давать лучше, еще не открыв холодильник». И заключил: «Это значит, варенье все – твое». Не в состоянии вымолвить хоть слово, ждала развязки. И она не замедлила последовать: «Я теперь бываю у мамы не чаще раза в четыре года. Иногда – реже. Так что – не спеши. Но ешь в охотку». Смеяться или плакать – непонятно, а строгий голос Володи уже из комнаты предупреждает: «Уже темнеет. Допивай чай и приходи». Проглотив содержимое бокала, устремляюсь в кабинет, где хозяин неторопливыми, скользящими движениями раскладывает свой «веер»-рисунок, с любовью и пристрастием. Похоже на детские игры, так же самозабвенно и всерьез. Пора уходить. Жестом фокусника, как обычно, Володя извлекает свою куртку, одевает меня и, провожая, обязательно рассказывает что-нибудь необыкновенное.

* * *

На этот раз он начал удивленно: «Представляешь, у меня был Олжас. И еще один человек. Мы всю ночь проговорили. О проблемах Запада и Востока, Азии и Европы. Я объяснил Олжасу, что имею прямое отношение ко всему этому. Он – о мамелюках, а я ему прямо: “Даже фамилию ношу с рождения с тем же корнем – Бе-зе-люк”. (Признаться, порой каламбуры Володи при непроницаемом выражении лица приводили публику в замешательство. Что не мешало ему продолжать в том же духе). «Так вот, – спросил он меня о своей новой книге. Я назвал “Серую мышь” лучшей. Читала? Прочти непременно. Да, уже под утро, когда все переговорено, хорошо так, откровенно, решил узнать, что же сокровенного, главного есть у каждого из нас. Спросил. А мне в ответ – про встречи с главами государств, кто с кем за руку поздоровался. Тогда я сказал: “А мне в Москве, на съезде Союза композиторов сам Тихон Хренников на ногу наступил”. Так они, кажется, обиделись...» Володя всерьез переживал свою бестактность, даже не подозревая, что именно его юмористическая реакция на откровения близких по духу людей заставит их впоследствии не раз поразиться его искренности и свободомыслию. Именно эти качества магнитом тянули к нему людей одаренных, влекомых его сверхчуткостью и нетерпимостью к фальши. Наверное, это называют притяжением души?

* * *

Побаиваясь острого языка Володи, друзья хорошо знали цену его шуткам, кличкам и эпитафиям, не раз звучавшим под крышей кафе Союза писателей «Каламгер». Но никто и не догадывался о том, что, кроме работы художником книги и кино, он еще и пишет. «Белый автомобиль» – фильм, снискавший ему любовь и славу у детей, как и уморительные мультфильмы из камня, персонажей которых «сочинял» Володя из подручного материала где-нибудь у реки. Как и блистательный «Алдар-Косе», забавно привлекательный в своей потешной самоуверенности. А в концертных блоках его стараниями и профессиональным чутьем исполнителей высокой классики окружает атмосфера той эпохи, когда эта музыка создавалась.

Но иллюстрировать собственную сказку Володя начал в глубокой тайне. Годы детства, проведенные в Уральской области с ее медлительным казахским бытом, неспешностью речей и движений, дали плоды. Сказка «Насмешливый заяц», сохраняя аромат национальной поэзии и остроту народной притчи, всецело – детище нашего героя, с тонким, мудрым юмором, проводящего черту меж добром и злом. И незадачливые жертвы главного персонажа узнаваемы в дне сегодняшнем, как и он сам. А иллюстрации, живо, нарядно и увлекательно ведущие читателя через ткань повествования, изобилуют и красочными, и графическими находками, превращая чтение сказки в праздничное театральное действие.

Встреча, связанная с просьбой о статье, которую я впервые намеревалась писать о творчестве Володи, состоялась в сумбурной спешке. Согласие получила вместе с потрясением от вида моего друга, седого, большого... и смеющегося. Коротко объяснил: «Завтра – в больницу, на операцию. Недаром ты, умница, меня бранила, что на корточках рисую. Словом, тромбофлебит». Дозвонилась через день в хирургию. Голос в трубке искрился смехом: «Ты даже заводделением умудрилась сгонять за мной в палату. Тут же никого не зовут. Операция – завтра. А потом встретимся, дай Бог. На небесах...» Этот смех и теперь звучит во мне. Оказалось, Володя знал, оставив «сценарий» своих похорон. Моцарт звенел в воздухе этого микрорайонного двора, как исповедь художника под январским небом. Позже, по телефону мне сообщили о гражданской панихиде, которую в «Каламгере» организовал Олжас Сулейменов. Добавив: «На свои средства». Самые раскованные и бывалые на этом «мальчишнике» рыдали, не стыдясь слез. Я вспомнила о «Тихоне Хренникове». Грустно и смешно, как всегда, с Володей. И вновь звучит тихий голос, роняющий: «Главное – добрая воля! Не быть, но жить!» Жизнь его продолжается в рисунках и стихах, напрямую обращенных к каждому из нас:

*Я с детства легко говорю по-казахски.
Меня обучили казахские сказки.
И нынче у них продолжая учиться,
Решил я с тобою, мой друг, поделиться!*

